

По пути им встретилось немало людей, и реакция каждого из них была по-своему примечательной.

Кто-то изумлялся, откуда у Эшли вдруг взялся такой взрослый ребенок; кто-то отпускал двусмысленные шуточки; а некоторые и вовсе были настолько опечалены, что едва сдерживали слезы...

Эшли, придерживая Омманию на руках, чувствовала себя неловко и с легкой досадой поглядывала на мужчину, стоящего перед ней.

— Э-э... Лукас...

Мужчина, который был старше её на четыре-пять лет, отличался приятной внешностью и россыпью милых веснушек на лице. Он был одним из тех, кто в обычное время настойчиво ухаживал за Эшли.

Сегодня он пришел в приподнятом настроении, чтобы угостить её собственноручно приготовленными блинчиками, но никак не ожидал застать картину, где Эшли выходит из дома с ребенком на руках.

— Э... Эшли?! Этот... этот ребенок... ты...

Лукас запнулся, не в силах связать и двух слов. Его обычно жизнерадостные светлые кудри казались какими-то поникшими, а от широко раскрытых глаз он выглядел совершенно ошарашенным.

Эшли поначалу хотела всё прояснить, но потом подумала, что такое недопонимание ей даже на руку — никто больше не станет к ней приставать, и она сможет зажить спокойной жизнью.

Она притворно вздохнула:

— Лукас, я понимаю, тебе, наверное, трудно это принять... но...

— Нет! Не надо ничего говорить!

Лукас выставил руку, призывая её замолчать. Его лицо выражало такую глубокую скорбь, что он стал похож на заблудшего ягненка.

Эшли едва удержалась от смеха.

Хотя это было не очень красиво по отношению к нему, она не могла не признать, что Лукас в

этот момент выглядел очень мило.

— Эшли, ты... ты обязательно должна быть счастлива! Я... я желаю тебе добра! Я... у-у... у-у-у!

Не дав ей и слова сказать, Лукас закрыл лицо руками и в полном смятении бросился прочь.

Эшли обернулась, смеясь, но тут же встретила взглядом с Омманией.

Удивительно, но в глазах трехлетнего ребенка она прочла осуждение.

— Мама, тебе следовало сказать ему правду.

Эшли улыбнулась и покачала головой:

— Подрастешь — поймешь. Иногда бывают ситуации, когда не обойтись без лжи во благо.

Закончив разговор, Эшли с девочкой на руках направилась к храму, что виднелся неподалеку.

Чем ближе они подходили, тем меньше становилось вокруг жилых построек, уступая место бескрайним цветочным полям и зелени, разбитым вокруг святилища.

Оммания, наконец, начала с любопытством оглядываться по сторонам, а не просто сидеть смирно в объятиях Эшли.

— Мама, здесь так красиво, и я чувствую знакомый запах.

— О? И как бы ты описала этот знакомый запах? — терпеливо спросила Эшли.

На самом деле она уже догадывалась, в чем дело.

Каждый храм в Тинтии рождался из взора, брошенного Божеством. Молитвы всех, кто приходил сюда, достигали слуха богов, но вот решат ли они прислушаться — вопрос другой.

То, что Оммания принимала за знакомый запах, скорее всего, было божественной силой, которую Пусике использовала при её создании.

Хотя у каждого Божества своя сила, в конечном счете это всё та же божественная энергия, и маленькая Оммания попросту не могла уловить разницу.

— Но мама, почему здесь только одна статуя?

Оммания потянула Эшли за рукав, глядя на высокую статую Бога Света, установленную перед входом в храм.

— Потому что в Тинтии мы почитаем Верховного бога — Бога Света.

— А как же остальные Божества?

Эшли улыбнулась, наклонилась и, подхватив девочку поудобнее, медленно направилась к статуе.

— Последователей других богов нет на этом материке. Или, вернее сказать, их Божественная власть исходит от Бога Света. Он — Верховный бог, поэтому мы поклоняемся только ему.

Сила Божеств не дается с рождения, а обретается со временем — иногда её отбирают у своего Отца, иногда получают как дар от Верховного бога.

Но в самом начале, когда мир был объят хаосом, родилось лишь одно Божество, и вся власть над мирозданием была сосредоточена в Его руках.

Он отделил часть своей плоти, чтобы сотворить мир: будь то ноготь, прядь волос, мизинец или ребро.

Он — начало мира, Отец всего сущего. Его появление озарило хаос, и Он стал первым Богом Света.

Оммания поняла:

— Значит, нынешний Бог Света — это не тот самый Бог-Отец.

Эшли остановилась, как раз достигнув статуи Эфэйтэ.

— Верно. Просто нынешний Бог Света обладает куда большей властью, поэтому Он остается Верховным среди всех богов. Что же касается Бога-Отца... Он давно исчез в глубинах вселенной, когда Его Божественная власть исчерпала себя.

Сказав это, Эшли опустила Омманию на землю, и они обе, большая и маленькая, замерли перед изваянием.

— Давай, Оммания, сложи руки вместе и помолись в тишине.

Оммания первой закрыла глаза и сложила ладони на груди. Увидев, что девочка готова, Эшли тоже закрыла глаза и вознесла молитву.

Однако Эшли не знала, что в тот самый миг, когда она погрузилась в молитву, Оммания открыла глаза и устремила прямой взгляд на статую.

— Всё в этом мире, всё в моей судьбе должно принадлежать Вам. Мой Бог, молю, обратите на меня Свой взор.

Оммания слушала, как Эшли благоговейно читает молитву, но в её сердце не шелохнулось ни единой струны.

Закончив, Эшли открыла глаза, и в тот же миг Оммания снова сомкнула веки.

Эшли лишь произнесла слова молитвы — это была простая формальность, чтобы показать пример Оммании, а сама она в этот момент ни о чем не думала.

Она посмотрела на девочку: та всё еще сидела с закрытыми глазами, погруженная в свои мысли.

Эшли молча любовалась ею: длинные ресницы с чуть загнутыми кончиками, нежные губы — даже в столь юном возрасте было видно, что растёт настоящая красавица.

Глядя на неё, Эшли невольно восхитилась: недаром это создание рук богини Пусике, она прекраснее самого чудесного цветка на свете.

В это же время в Наэрмике, обители богов, скрытой от мирской суеты, Эфэйтэ, видя, как Оммания прямо смотрит на его статую, равнодушно произнес:

— Пусике, дочь, которую ты создала, слишком дерзка.

На лик Божества нельзя смотреть прямо — это неуважение.

Однако в этом мире лишь двое способны выдержать такой взгляд: либо сами Божества, либо невинные дети.

Пусике, конечно, видела, что сделала Оммания, и лишь беспомощно улыбнулась:

— Оммания еще совсем ребенок, прошу, прояви к ней снисходительность, Эфэйтэ.

— Но, похоже, эта человеческая девчонка уже приступила к выполнению своего задания.

Неплохо, совсем неплохо, — Аливайя кивнула, и её прекрасные глаза сошлись в полумесяцы.

Она ценила в Эшли умение знать свое место.

<http://bllate.org/book/18502/1777521>